

УДК 165.02

ИСТИНА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ (пути постмодернизма в трактовке познания)

Т.Ф. ПыхтинаНовосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»

E-mail: taleal@ngs.ru

Рассматривается проблема истины и ее решение в современной теории познания по версии постмодернизма. Отмечаются основания и вместе с тем проблематичность введения такого критерия оценки знания на истинность, как социальная значимость. Подчеркивается, что изменение критериев истины и представлений о ней обусловлено не только субъективными восприятиями современного процесса познания, но и объективными условиями развития современной культуры.

Ключевые слова: истина, субъект, объект, познание, постмодернизм, социальная значимость.

VERITY AS A SOCIAL WEIGHT (postmodernism's ways in cognition theory)

T.F. Pykhtina

Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: taleal@ngs.ru

The verity problem and its solution in the modern cognition theory in postmodernism version are considered. Grounds together with the issue of introduction of such verity criterion of knowledge estimation as social weight are pointed out. It is emphasized that changes in verity criteria as well as in the idea of verity are determined not only by subjective perception of the modern cognitive process but also by objective conditions of the modern social process.

Key words: verity, subject, object, cognition, postmodernism, social weight.

Проблема истины всегда актуальна, поскольку составляет главную цель познания. Однако, как показывает история научного познания, представление об истинности знания меняется в зависимости от погружения в ту или иную культуру: классическое представление, неклассическое, постнеклассическое, постмодернизм. Причина этих изменений достаточно ясна, если обратиться к историческим и социальным основаниям познания. Современная культура также выдвигает свои поправки и требования и к самому познавательному процессу, и к знанию, претендующему на истину. В этой связи заслуживают внимания позиции постмодернизма в трактовке истины, в частности, введение такой ее оценки как социальная значимость. Бесспорно, знание имеет социальную значимость, однако в данном случае речь идет о введении этого критерия в сам процесс достижения истины. Прежде всего, что послужило тому основанием?

Как известно, знание рождается в процессе субъект-объектного взаимодействия, поэтому все происходящие изменения связаны с трактовкой этой связи, с акцентом на объект или же субъект познания. Для классической науки, например, содержание знания определялось детерминацией объекта,

субъективное же должно было быть элиминировано. Но революционные сдвиги в научном познании XX века коренным образом изменили трактовку истинности. Как писал Гейзенберг, квантовая механика выдвинула новые требования: «Если в наше время можно говорить о картине природы, ... речь, по сути дела, идет уже не о картине природы, а о картине наших отношений к природе. Старое разделение мира на объективный ход событий в пространстве и времени, с одной стороны, и душу, в которой отражаются эти события, – с другой ... уже не может служить отправной точкой в понимании современной науки» [2, с. 303–304]. Отсюда произошло переосмысление таких фундаментальных трактовок, как объективность, истинность, разрыв субъекта и объекта познания. Постмодернизм принципиально меняет установку познания: абсолютизирует включенного в контекст социума и культуры субъекта. Постмодернистская культура познания развила дальше идеи модернизма, в какой-то мере довела их до абсурда с точки зрения задач науки и научной истины. Постпозитивизм, который расширил понимание науки, активно введя социокультурную обусловленность познания, все же ограничивал в какой-то мере субъективность, ставя ее в зависимость от господствующей парадигмы. В постмодернизме же делается акцент на свободу субъекта, поэтому господствует идея плюралистичности миров. Соответственно миру каждого субъекта соответствует своя истина. Это обстоятельство объясняется еще и тем, что изменился и характер, и задачи современной науки: она занята больше развитием вширь, внедрением своих результатов, поэтому должна ориентироваться на своевременность и локальную применимость.

Прежде всего, как уже было сказано, связь субъекта и объекта осмысливается иначе, чем в классическом варианте, так как и сам субъект получил иное содержание. Во-первых, произошел отказ от «индивидуального атомизма» – субъект рассматривается как коллективное «Я», где превалирует социальное и политическое бессознательное, причем последнее понимается самым различным образом. Ж. Лакан, например, отождествлял его со структурой языка, Фуко говорил о специфическом коде (свод предписаний и запретов) как реализации эпистемы, Ж. Делез – о сингулярностях. Во-вторых, субъект не противопоставляется объекту, не выступает в качестве объективного наблюдателя, а включен в объект, растворен в нем. В этом смысле объект уже не объективная реальность, а «культурный текст», вне которого нет уверенности судить о реальности, т.е. человекоразмерен. Авторы видят мир как *текст*, который мы выстраиваем сами, это – отражение нашего взаимоотношения миром. По замечанию У. Эко, мы, скорее всего, движемся к обществу с более значительным уровнем свободы, и в нем свободное творчество будет существовать с интерпретацией *текста* [8]. В свете этих заключений переосмысливаются и субъект-объектные отношения в процессе познания: если субъект включается в предметность познаваемого мира, то получаемое знание несет в себе в первую очередь содержание самого субъекта. Отсюда объяснимы и те метаморфозы, которые произошли с современным пониманием истины. Истина возможна только в контексте, с учетом значимости повседневности как граничного условия познания и практики. Коллективный субъект, включенный в реальность и определяющий ее, нацеливает познание на социальную значимость (самой науке в ее прежнем варианте было безразлично, как и что будет реализовано).

Исходная позиция постмодернизма основана на том, что современный мир стремительно развивается, возрастает скорость всех социальных процессов и взаимодействий – «мир текуч и пронизаем», как сказал З. Бауман. Поэтому не может быть универсальной истины: она может носить только локально-исторический характер. «Скорость мышления и действий человека явились главным показателем его экономической эффективности. Сама скорость тем выше, чем свободнее человек от всяких обременяющих его «вещей» и «обязательств»» [1, с. 163]. По мнению Баумана, грядущая трансформация ментальности человека – возникновение сверхразума – социальной группы людей с развитой интуицией. Следуя автору, можно предположить, что их прерогатива как раз в том и состоит, чтобы открывать истину для каждой культуры, каждой отрасли и каждого временного промежутка.

Итак, истина утрачивает свою фундаментальность и однозначность, она целиком зависит от тех условий, в которых протекает познание, и предназначена для них. Идеи синергетики, захватившие постмодернизм, дают ему общую установку: устойчивость и равновесность – это тупики эволюции. Надо сказать, что синергетическая методология во многом объясняет постмодернизм. Синергетика в познании делает упор на коммуникативные связи и междисциплинарный диалог, в процессе которых осуществляется процедура выбора из возможностей при решении частных задач. Поэтому велика роль «совместного действия», так как именно оно, по мнению авторов, и порождает общезначимые смыслы. Таким образом, *истина не открывается, а возникает в субъект-предметном отношении* (и не будем забывать, что субъект видится как коллективный). Коммуникативные связи порождают новые смыслы – аттракторы, вокруг которых объединяется разьединенное, становится общепризнанным – истинным. Эти аттракторы и есть цель познания, которая активно воздействует на выбор средств своей реализации, *детерминирует настоящее будущее* [7]. Отсюда понятна и такая характеристика истины в современном понимании, как плодотворность, успешность в дальнейшем исследовании и использовании. Если учесть, что субъект сам изменяется, создает самого себя, то ясна и утрата истиной статуса определенности и конечности.

В современной познавательной ситуации поиск истины продолжается, но не ставится цель объективности описания. Поскольку коллективный субъект исходит, прежде всего, из своих интересов – своего понимания *текста*, то истина приобретает характер плюралистичности, а отсюда – ее локальный характер. В рассуждениях упор делается уже не на истину как таковую, а на *условие истины*, т.е. совокупность условий, при которых предложение «было бы» истинным. Как отмечал Ж. Делез: «концепт всегда обладает той истиной, которую получает в зависимости от условий своего создания» [3, с. 40]. Субъект-предметное отношение Ж. Делезом понимается как порожденное хаосом (синергетическая трактовка), мир становится понятным в том случае, если удастся логически осмыслить переход границы между миром хаоса и миром действительности и осмыслить эту границу. Тем самым на заданные условия – *текст* субъект накладывает свою схему, продиктованную качествами социума – ценностями, целями, возможностями. Другой известный представитель постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар, обращаясь к проблеме утверждения локально-исторической истины, привел пример связи науки с техникой, причем в духе постмодерна подменяет понятие «истинное» понятиями «справед-

ливое», «эффективное», «правильное». Он пишет: «Государство и предприятие покидают идеалистический или гуманистический легитимирующий рассказ, чтобы оправдать новую цель: в речи сегодняшних распорядителей кредитов только одна цель внушает доверие, это – производительность. Ученых, техников и аппаратуру покупают не для того, чтобы познать истину, но чтобы увеличить производительность. ... Широко введенный в научное знание технический критерий оказывает влияние на критерий истинности» [6, с. 112–113]. Далее он прямо подчеркивает определение истинности через социальную значимость: «То же самое можно сказать и об отношении между справедливостью и результативностью: вероятность того, что определенный порядок будет считаться справедливым, повышается по мере того, как им выполняются определенные задачи, и с ростом эффективности прескриптора» [6, с. 113]. Через эти положения Лиотар проводит общую мысль о том, что современная наука – это открытая система, включенная в открытое общество и открытую культуру постмодернизма, поэтому: «...Оптимизация рабочих характеристик системы, ее эффективность становятся критериями ее легитимности, где социальная справедливость понимается как научная истина» [6, с. 11]. Широкое включение социальных параметров в поиск истины, столь необходимое для современной познавательной ситуации в целях органичного внесения ее в гуманитарную культуру, автором объясняется через особенность современного общества: «Современное научное знание подвержено двойной легитимации. Поскольку этот вопрос задается по самой полной форме, а именно как реверсия, которая делает очевидным, что знание и власть есть две стороны одного вопроса: кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать. В эпоху информатики вопрос о знании более, чем когда-либо становится вопросом управления» [6, с. 28].

Субъект погружен в предметное поле, внося свои ценностно-целевые установки, тем самым подчеркивается открытость науки, разрушение ее внешних и внутренних границ – неотделенность науки от искусства, обыденного знания и т.п. М. Серр, например, подчеркивает, что научная истина нередко возникает из пересечения знаний, специализаций. В этой связи в современном познании широко введены герменевтические методы: скорее речь идет не о познании, а *понимании* через диалогическое «Я – Ты». На первый план выходит «понирующий микроанализ» как единство чувственного и рационального, эмоционального и рассудочного. Истина оказывается не слепком реальности, а скорее конструкцией субъекта, его языка. Как образно заметил Т. Козловский: «Теории сегодня не открывают, их выдумывают и конструируют» [4, с. 89]. Фактически получается, что реальная теория есть теория, в логическом отношении удовлетворяющая науку, хотя это лишь один из аспектов оценки теории. Сами структуры познания – понимания заданы до опыта.

Таким образом, истинность знания определяется социально значимой перспективой, творческой продуктивностью. Безусловно, сознание и познание субъекта зависит от исторических условий в целом, а если говорить более конкретно, то от форм материальной деятельности людей, экономических связей и отношений, интересов и целей социальных групп, политического руководства и т.д. Их взаимосвязь рождает самые различные структуры, поэтому действительно затруднительно искать только одно основание, одну универсальную истину. «...Поскольку любое событие, явление, любой пред-

мет имеют много сторон, граней, аспектов, то соответственно в познании мы можем подойти к предмету исследования, взяв его в том или ином аспекте. Выбор субъектом того или иного аспекта познаваемого объекта не абсолютно случаен: он диктуется условиями его бытия как конкретного социального существа» [5, с. 108]. Иначе говоря, любой субъект присутствует в определенном интервале, как отмечают Ф.В. Лазарев и С.А. Лебедев, который содержит универсалии, общие для всех членов этой целостности. «Субъект, находясь в определенном интервале, не просто имеет свою картину реальности, свое видение происходящего, он имеет это с некоторой необходимостью» [5, с. 111]. Правда, говоря об «интервальной истине», авторы не разделяют в полной мере позиции постмодерна, скорее – это развитие социокультурного подхода, но во многом объясняют современные постмодернистские позиции трактовки истины. Не существует в науке неизменных оснований. С переходом к новым идеям, с расширением наших возможностей переходим к новым утверждениям до статуса «оснований», а находя более общие черты, – до статуса критерия, затем проверяем в понятиях успеха: плодотворности, эффективности и т.п. Но следует заметить, что и сами критерии успеха меняются, согласно постмодернизму, в зависимости от прочтения текста.

Приведенные рассуждения показывают, насколько изменилось представление об истине в современной гносеологической практике. Очевидно, что введение в понимание истины такой оценки, как социальная значимость, обусловлено кардинальными изменениями и в самом обществе, и в трактовке процесса познания. Насколько можно согласиться с позициями постмодернизма? Вопрос не простой, так как затрагивает основания современной культуры. То что действительность многомерна и возможен плюрализм истин – не изобретение сегодняшнего дня, эта идея развивалась еще с конца XIX века, в постмодернизме она лишь доведена до крайности через абсолютизацию коллективного субъекта по отношению к предметной реальности. Возражение вызывает другой момент – отказ от объективности истины. Для успешного, социально значимого развития познания, а вместе с ним и общества все же нужны знания, адекватно отражающие действительность. Те локальные истины (о которых говорит постмодернизм), значимые для отдельных отраслей, коллективов, поскольку строятся согласно их целям и задачам, не могут дать перспективу развития в целом. Действительно, мир стремительно меняется, но общество как любая система живет перспективой своего самосохранения, апелляция к идеям синергетики, что хаос помимо человека сам приведет к определенному порядку, вряд ли ляжет в основу деятельности управляющих структур.

А в целом постмодернизм интересен, плодотворен при определенной корректировке применительно к науке, поскольку ориентирован именно на современного человека.

Литература

1. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Гейзенберг В. *Шаги за горизонт*. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* СПб.: Алетейя, 1998. 286 с.
4. Козловский Т. Современность постмодерна // *Вопросы философии*. 1995. № 10. С. 85–95.

5. Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. 2005. № 10. С.95–113.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
7. Порус В.Н. Является ли наука самоорганизующейся системой? // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 95–108.
8. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст (отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998 г.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 5–14.

Bibliography

1. Bauman Z. Tekuchaja sovremennost'. SPb.: Piter, 2008. 240 p.
2. Gejzenberg V. Shagi za gorizont. M.: Progress, 1987. 368 p.
3. Deljoz Zh., Gvattari F. Chto takoe filosofija? SPb.: Aletejja, 1998. 286 p.
4. Kozlovskij T. Sovremennost' postmoderna // Voprosy filosofii. 1995. № 10. P. 85–95.
5. Lazarev F.V., Lebedev S.A. Problema istiny v social'no-gumanitarnyh naukah: interval'nyj podhod // Voprosy filosofii. 2005. № 10. P. 95–113.
6. Liotar Zh.-F. Sostojanie postmoderna. SPb.: Aletejja, 1998. 160 p.
7. Porus V.N. Javljaetsja li nauka samoorganizujuwejsja sistemoj? // Voprosy filosofii. 2006. № 9. P. 95–108.
8. Jeko U. Ot Interneta k Gutenbergu: tekst i gipertekst (otryvki iz publichnoj lekcii Umber-to Jeko na jekonomicheskom fakul'tete MGU 20 maja 1998 g.) // Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. № 32. P. 5–14.